

Анатолий Литвак, крупный американский кинорежиссер, выходец из России, оказался блестящим — столь благородным, столь и добрым человеком, которому было наплевать на всякие слухи. Ему нужна была актриса на роль французской субретки в фильме "Любовный акт". Ольга предложила меня.

Главных героев играли Дани Робен и Керк Дуглас. Следовало изыскаться по-английски. Я слегка говорила на нем, и меня взяли.

Фильм снимался зимой на (ныне снесенной) студии Сен-Морис. В артистических было неуютно и холодно. Моя комната пропахла газом. Там я проводила часы и дни в ожидании, когда меня позвонят на съемку. У меня были две кошечки, а одета я была в блузку и передник, носочки и туфли на деревянной подошве.

Действие фильма происходило во время войны в 1940 году.

Я восхищалась Дани Робен, такой же как и я, в прошлом балериной. Она была такая миленькая, такая красивая. Вот я и пыталась представить себя на ее месте. Мои грёзы превратились в кошмар, когда я узнала, что она не раз участвовала в псовой охоте, причем пешком, верхом и на машине.

Керк Дуглас, американский актер, был полубогом, к которому не надо было приближаться. А я приближалась, я почти набрасывалась на него в темных и холодных коридорах студии. Он говорил мне "сорри", и я краснела. Он не был красив и даже ниже меня ростом, но обладал бездной обаяния.

Специальный помощник помогал мне зубрить текст роли. Мне предстояло сказать всего две-три фразы, но назубок. После долгого ожидания в артистической, наступил и мой черед. Литвак с седой шевелюрой и большими светлыми глазами был очарователен. Догадываясь о моем страхе, он добродушно смеялся. Мне следовало просунуть голову в окошко, через которое подадут еду, и сказать: "Кушать подано". Вот и вся моя сцена.

Если бы мне предстояло играть по-английски саму Федру, я не была бы более горда и более напугана, чем в тот миг.

Когда мама пошла смотреть картину на Елисейские поля, у нее был насморк и она чихнула как раз в тот момент, когда я высунула голову. Ей пришлось дожидаться следующего сезона, чтобы увидеть меня в течение тридцати секунд на экране.

В апреле 1953 года я поехала с Вадимом** на Каннский фестиваль, где ему предстояло интервьюировать Лесли Карона для "Пари Матча". Я была знакома с Лесли. Мы вместе занимались у Кнэзева. Я очень гордилась своим знакомством, когда узнала, что ее выбрали для съемок в фильме "Американец в Париже".

В Канне передо мной была звезда международного класса.

Это меня весьма забавляло. Мы были очень похожи друг на друга, словно пальцы на одной руке, как две сестры, и фигуры у нас после учебы танцам были одинаковыми. Но она была на вершине вполне заслуженной славы. Я же только всходила по лестнице, которая казалась бесконечной. У Лесли были встречи с самыми крупными фотографами, самыми блестящими журналистами, а меня снимали на пляже отеля Карлтон приятели, туристы и местная пресса.

И тогда я поняла свое ничтожество, и сколь длинен будет мой путь, чтобы достичь равной ей славы.

В водах Канна находился американский авианосец. Капитан пригласил звезд кино на прием. Я последовала за Вадимом, который вместе с фотографом Мишу Симоном должен был сделать репортаж об этом событии. Моряки вместе с капитаном и командующим эскадрой встретили Лесли Карон, Лану Тернер, Эшлику Шуро, Гарри Купера, Керка Дугласа радостным "ура". Спрятавшись за спиной Вадима, смущенная и развеселившаяся, я наблюдала за этим зрелищем, когда командующий внезапно подошел ко мне, отдал честь и вытаскивал на середину мостика, представив экипажу: "А это Брижит!"

Что было делать? Я подняла руки и завопила: "Хелло, парни!" Ответом был

их рев. Моряки бросали вверх свои береты. Подняли меня на руки и с триумфом понесли, скандируя: "Бриджет! Бриджет! Бриджет! Бриджет!"

Они совершенно не знали, кто я такая, ведь я была никем. Я совсем не могла понять, что со мной происходит, но наверняка между нами возник какой-то контакт, раз они так приветствовали единственную блистательную незнакомку Фестиваля.

Подобная, сколь непредвиденная, столь и ободряющая реакция, возможно, объясняет тот факт, что спустя несколько лет именно американцы прославили меня после выхода "И бог создал женщину".

Ольга предложила мне сняться в фильме "Если бы мне рассказали о Версале". Саша Гитри искал "не дорогую" молодую актрису на роль Мадмуазель де Розий, любовницы на один вечер Людовика XV, которого играл Жан Марэ. Мне обещали заплатить 5 тысяч франков за один съемочный день. Я с радостью согласилась.

В тот понедельник я явилась "на грим" к 9 часам утра в одно из помещений замка. Мне надлежало быть готовой к 12 часам дня. Я засыпала на ходу, ибо накануне играла днем и вечером на сцене театра "Ателье" и поздно легла.

Гримироваться — это пытка, хотя считается "чем его больше, тем ты красивее". Я выглядела венским эскалопом перед отправкой в духовку. Я была так напудрена, что могла вполне играть в труппе мима Марсо. Гримерша напятила мне на голову напудренный парик, и я стала выглядеть тряпичной куклой без глаз и рта. К тому же парик чуть сдвинулся наискосок, что придавало мне скособоченный вид. Я позволила робко сделать замечание. Мне сухо ответили, что если судить по величине моей роли, я бы вполне могла и вовсе не надевать парика, никто ничего не заметит. Как мило! Трудно придумать лучше способа внушить актрисе самоуверенность.

К двенадцати я была готова.

Меня одели в платье той эпохи, весьма сомнительного розового цвета. На бедрах у меня были корзинки, а на ногах серсо. В таком туалете я не решалась сесть и, стоя, репетировала свой текст в ожидании, когда на меня обратят внимание те, кто распоряжался моей жизнью.

В три часа пополудни, без сил, я решила сесть на ступеньки лестницы. При этом платье мое задралось вверх головы.

В пять часов я была голодна! Я застенчиво спросила, есть ли у меня время сходить за сэндвичем. Мне ответили, что я получаю деньги за то, чтобы ждать. К тому же понадобилось через четверть часа.

В семь вечера я все еще ждала. Желудок мой урчал от гнева, глаза слипались и я уснула, сидя в кресле эпохи Людовика XV. Я проснулась, оторопелая, часов в десять. Я была одна, всеми забытая, в полной темноте.

Отправившись за новостями, я толкнулась с негодующей гримершей. Что я наделала с ее рисовой пудрой? Пропал тон на лице и потекла тушь для ресниц! Что касается парика, то он совсем сполз на нос и стал похож на берет.

Я тщетно объясняла, что жду с девяти утра, что я устала, хочу домой. Все напрасно. Меня перепудрили, парик-берет был сухо оттянут на затылок, и мне запретили садиться. Я чуть не уснула, стоя, как лошадь, когда в полночь за мной пришел ассистент.

Я вошла, ослепленная ярким светом, в золотой салон, где мне предстояло играть сцену с Марэ. Я наверняка выглядела невероятно поبلекшей, усталой. Меня представили Гитри, который руководил съемкой, сидя в маленьком кресле на колесах, а его возил ассистент. На нем была шляпа, он был бородат, в руках трость. Он задумчиво посмотрел на меня и внезапно спросил: "Сколько вам лет, малышка?"

Я ответила: "Девятнадцать, мэтр". Тогда он с заговорщической улыбкой шепнул: "В вашем возрасте, малышка, есть время, чтобы ждать".

Мама, которая часто страдала на-

сморком, снова чихнула на премьере фильма, дождавшись моей сцены с Марэ. Она, стало быть, меня не заметила. Но пообещала, что пошлет свой хронический насморк, прежде чем отправится смотреть мой следующий фильм!

Благодаря Ольге мне досталась маленькая роль в фильме Рене Клера "Большие маневры", где играли Мишель Морган и Жерар Филип. Лучше получить маленькую роль в большом фильме, чем большую роль в убогом фильме. Эти "Большие маневры" много дали мне. Рене Клер был чрезвычайно обходителен и важен. Он руководил мной мягко и решительно.

На Морган я только поглядывала, она меня смущала. Но я познакомилась с ее дублершей, и мы стали друзьями. Жерар Филип был мифом! Когда он задавал мне вопрос, я краснела до корней волос. Я всегда отчаянно краснела от волнения и застенчивости. Однажды я остановилась перед аптекой в нашем районе и попросила лекарство от красноты. И тотчас покраснела с головы до пят. Аптекарь весело ответил, что такого лекарства нет, что нет ничего прекраснее, чем вид покрасневшей молодой женщины, что это теперь редкость и что лучше ничего не менять. Помню своей воли, я послушалась его, и осталась такой же, какой была.

рые называли меня бесстыжей пожирательницей мужчин.

Я была просто-напросто влюблена! Жан-Луи был женат на Стефан Одран. Я была замужем за Вадимом.

Мы, стало быть, бросили все, чтобы не расставаться.

Я прожила с ним самый прекрасный, самый насыщенный, самый счастливый в то время период жизни. Период безумства, свободы и еще, о чудо, инкогнито, анонимности.

Во Франции фильм Вадима был воспринят с оговорками. В "Каие дю синема" Франсуа Трюффо опубликовал довольно прохладную рецензию. Он упрекал фильм за то, что в нем использован слишком примитивный сюжет, что неудачно приглашены актеры (исключая Юргенса). Они судили обо мне без всякой снисходительности, находя, что моя речь слишком тягучая и что у меня сомнительная артикуляция. Поль Ребу прямо писал, что у меня внешность прислуги и манера говорить, как у неграмотной. В результате эксклюзивный показ на Елисейских полях был вопреки контракту сокращен наполовину.

Рауль Леви*** и Вадим рвали на себе

зах всего мира.

Какой ужас!

Мы ведь ни разу нигде не появлялись вместе, ни в ресторане, ни в кино, ни даже у друзей. Мы виделись тайно у меня по ночам, когда никого не было в доме. "Франс-Диманш" и "Иси-Пари" сообщали: "Беко и Бардо неразлучны", придумывая о нас всякие глупости, способные вызвать слезы у девочек. Я всегда задавала себе вопрос, как и почему маленький мой жест и поступок, даже самый тайный, оказывался достоянием зрителей.

В результате Жильбер звонил мне всегда по ночам, тайно посылал цветы, но не являлся сам, опасаясь скандала, того, что его сфотографируют при появлении у моего дома, боясь общественно-го мнения, боясь того, боясь сего.

А вот о страхе меня потерять никогда не было речи!

В то начало 1958 года я все дни проводила в студии. Я старалась изо всех сил преуспеть в жизни и заслужить "нашивки" в профессиональном плане. Но журналисты, приходившие на съемку, даже те, которых тщательно просеивал пресс-атташе, говорили со мною только

Ее звали

К дню рождения Брижит Бардо 28 сентября, когда ей исполнилось 62 года, издательство "Грассе" выпустило том ее мемуаров под названием "Инициалы Б.Б.". Книга сразу стала бестселлером, вызвала разноречивые оценки и даже сообщение о том, что экс-муж Б.Б. Жак Шаррье подал в суд, требуя изъятия книги и обвиняя экс-жену в том, что она опорочила его перед всем миром. (См. "ЭС" № 47 — 48 за этот год). Что, естественно, еще более подогревало интерес к мемуарам. Мы воспроизводим несколько фрагментов из этой книги.

волосы. Оставалась надежда на иностранный прокат: "Нет пророка в своем отечестве". И действительно, в США "И бог создал женщину" делал битковые сборы. Успех был потрясающий, критики возно-

с Беко.

Это было низко.

Я молчала или вела себя по-хамски, говоря им, что они ошиблись студией, что Беко со мной не снимается, но если это их интересует, то пусть знают, что Габен и Фейер были моими прекрасными партнерами****.

Нервы у меня были на пределе. По вечерам я записалась у себя и ждала звонка Жильбера.

И это называлось жизнью? Изматывать себя на работе? Быть красивой и хорошей актрисой, быть сильной, послушной и — рабой? А вечером пребывать в одиночестве, ждать необязательного телефонного звонка, крутиться как белка в колесе по квартире в то время, как мировая печать возмечивала меня только потому, что я влюбилась в известного певца.

Была ли я влюблена в Жильбера?

Я не могла ответить. Скорее, я была влюблена в телефон. Я, которая любила солнце, жизнь, песок, тепло, деревню, животных, я, которая любила бегать босиком, быть свободной, которая любила море, любовь, запах скошенной травы — жила, как заключенная, взаперти, не видя неба, как растение, лишённое кислорода. В 25 лет я уже увядала.

Тогда мне захотелось уснуть, и я нашла снотворное в аптеке. Я приняла для верности пять таблеток. А потом, плача и чувствуя себя больной, проглотила еще несколько.

Позднее зазвонил телефон, я слышала его, на самом ли это деле или мне показалось. Я сняла трубку, я плакала, я слышала в трубке какое-то бормотание, а потом голос заорал: "Это Жиль, Бриж, отвечай мне!". Тогда я заговорила, потому что телефон стал человечен и мог меня понять. Я доверила трубке свое отчаяние, свою усталость. Я целовала ее, заливая слезами. Потом я услышала короткий приказ: "Бриж, немедленно встань и открой дверь".

Я была не способна на это, я была далеко, далеко.

Голос из трубки опять кричал, чтобы я открыла дверь, я упала с кровати вместе с аппаратом.

Кто-то из подсознания твердил мне: "открой дверь, открой дверь". Я добрела до нее и повернула ключ. Врач, посланный ко мне Жильбером, обнаружил меня в коматозном состоянии. Но дверь была, слава Богу, открыта.

Я не помню этого доктора, но благодаря ему могу сегодня рассказать этот эпизод из своей жизни. У мамы хватило силы духа позвонить директору картины и сказать, что я отравилась несвежими мидиями, что я больна и не могу явиться на съемку.